

Создатель красных космоопер

Александр Лавретьевич Колпаков (родился в 1922 году), чей рассказ «Один» мы публикуем в рубрике «Наследие», не из числа заметных фигур отечественной фантастики. Он даже не был фантастом второго ряда. Так — где-то на задворках, один из множества энтузиастов жанра. Литератор средней руки, написавший не так уж много произведений. Литературную судьбу этого человека вряд ли назовешь состоявшейся, как и наполненной яркими событиями.

Его путь в фантастику типичен для многих других авторов той поры. Офицер-артиллерист, прошедший всю войну, инженер-химик с несколькими запатентованными изобретениями в области химической технологии, научный сотрудник различных московских НИИ. В 1950—1960-х фантастику и писали-то в основном сотни таких же старших и младших научных сотрудников.

В литературу Александр Колпаков входил как журналист и литературный критик — начиная с 1955 года в различных журналах во множестве печатались его научно-популярные статьи, а чуть позже в журналах «Октябрь», «Детская литература» и «Наш современник» стали появляться и литературно-критические выступления Колпакова. Журналистика так и осталась его главной творческой ипостасью.

Писатель-фантаст Александр Колпаков «родился» в 1959 году с появлением в журнале «Знание-сила» рассказа «Один» (так же известного под названием «Альфа Эридана») и фрагментов самого известного произведения фантаста — романа «Гриада» (тогда еще под названием «Колумбы неведомых миров»).

Чаше всего о «Гриаде» упоминают с приставкой «скандално известная книга». С момента ее выхода в свет, установилась традиция оценивать роман исключительно в негативных тонах. Причем, жесткой критике роман Александра Колпакова подвергался не только со стороны официозной журналистики, которая обвиняла автора в попытке протолкнуть в советскую литературу буржуазный жанр космической оперы; долбали «Гриаду» и люди уважаемые, чей авторитет не подлежит сомнению — И.А.Ефремов, братья Стругацкие, Ариадна Громова... Справедливости ради стоит сказать, что Колпакова есть за что поругать — и за легкомысленное обращение с фундаментальной наукой, и неряшливый язык. Наконец, давно не секрет, что в описании грианского общества некоторые сцены советский фантаст откровенно позаимствовал из романа-утопии Герберта Уэллса «Когда спящий проснется»... Впрочем, все это не помешало книге стремительно завоевать статус бестселлера. Культовой, как, например, произведения Стругацких, «Гриада» не стала, но однозначно это был один из самых коммерчески успешных проектов советской научной фантастики начала второй половины XX века. Наконец, «Гриада» — одно из самых первых в нашей литературе произведений, написанных в жанре боевой космической фантастики.

Отдельным изданием роман вышел в 1960 году, и у массового читателя «Гриада» имела просто феноменальный успех. В результате сложилась почти курьезная ситуация: дружно книгу ругали, но дружно же ее и читали в захлеб.

После «Гриады» Колпаков написал всего-то ничего — десяток-полтора рассказов, публиковавшихся в основном в альманахе «На суше и на море» (часто под псевдонимами В.Глухов, А.Мегалов и Лен Кошевой), да пара прошедших почти незамеченными авторских сборников — «Море Мечты» (1964) и «Нетленный луч» (1971). Похоже, фантаст учел печальный опыт с «Гриадой» (и за меньшее отлучали навсегда от печати) — все последующие рассказы А.Колпакова более идеологически выдержаны, хотя написаны не менее увлекательно и посвящены любимой теме Александра Колпакова — освоению человечеством космических глубин и Контакту с инопланетным разумом. И все-таки надо признать: в литературной истории имя этого фантаста 60-х сохранилось только благодаря шумной известности романа «Гриада».

Евгений Харитонов

О Д И Н

Руссов посмотрел на созвездия, машинально отметив близость рассвета, и приподнялся, протирая глаза. Вслед за тем он покинул гамак, в котором ему так и не удалось заснуть, хотя листья пальм убаюкивающее шуршали всю ночь, сел в одноместный каплевидный гравиплан, одиноко стоявший на лужайке перед Дворцом Отдыха, и плавно поднялся к вершине зеленой горы, смутно рисовавшейся на фоне неба. Деревья и здесь неумолчно шептались, и в их шепоте ему чудились голоса друзей, оставшихся по ту сторону времен. Он приблизился к краю обрыва, лег прямо на землю и глубоко задумался. Да, жить в будущем оказалось не так просто, как он представлял себе это раньше в мечтах, казавшихся несбыточными.

Далеко внизу, в широкой долине лежал Город Вечности, самое необычное явление нового мира. Город релятивистов, скитальцев Космоса, протянувших живую эстафету к настоящему из безмерных глубин прошлого.

Город Вечности образовался постепенно. В начале XXI века на его

месте функционировал Гималайский Космоцентр, одна из трех баз, откуда человечество устремлялось к звездам. Хотя к концу XXI века звездолеты подняли потолок своих скоростей до 0,9 скорости света, этого еще было недостаточно для того, чтобы вызвать значительное релятивистское замедление времен. С конца XX века и до начала XXII века из Космоса вернулось на Землю пять межзвездных экспедиций. При скорости в «одну девятку после нуля» участники этих экспедиций не намного «отставали» от земного времени — не более чем на несколько десятков лет, — и еще не возникло «проблемы релятивистов». Однако положение резко изменилось во втором десятилетии XXII века, когда были созданы аннигиляционные ракеты, развивавшие скорость до 299 тысяч километров в секунду. Время в них замедлялось уже в сорок раз по сравнению с земным. Первые же аннигиляционные ракеты, отправившиеся в 2120–2145 годах исследовать дальние окрестности Солнца, возвратились на Землю спустя 240–300 лет, причем челны их экипажей «постаре-

ли» едва ли на двадцать-тридцать лет. И тогда-то, в пятидесятых годах XXV века, впервые было произнесено слово «релятивист», как синоним слова «выходец из прошлых времен».

По предложению Совета Тружеников Земли первые релятивисты обосновались в Гималайском Космоцентре, составив ядро армии наиболее опытных исследователей Космоса. Многие из релятивистов после длительного отдыха снова отправлялись во Вселенную, чтобы через несколько сот лет опять возвратиться на Землю. А экипаж квантовой аннигиляционной ракеты 2160 года даже четыре раза таким образом покидал Космоцентр, возвратившись последний раз уже в восьмое тысячелетие. Другие (а таких было большинство) навсегда оседали в Гималайском Космоцентре, посвятив остаток своей жизни обработке научных результатов своих экспедиций и переводу их на язык понятий данной эпохи, или работали в многочисленных службах Космоцентра, исполняя несложные обязанности диспетчеров, операторов, радистов, ассистентов ученых и инженеров, для чего достаточно было пройти пятнадцатилетний курс обучения в специальном Институте релятивистов, который был создан Высшим Советом по освоению Космоса спустя несколько лет после возвращения первых аннигиляционных ракет.

Программа освоения Космоса, намеченная коммунистическим человечеством, была столь обширна, что приходилось каждые десять лет отправлять в Космос очередную межзвездную экспедицию, результаты которой узнавали лишь последующие поколения. Поэтому, начиная с XXVII века, население Гималайского Космоцентра непрерывно росло за счет новых релятивистов, прибывавших на звездолетах, посланных предыдущими поколениями, так и вследствие естественного прироста семей старых релятивистов. В начале четвертого тысячелетия Космоцентр считывал уже десятки тысяч жителей и по решению Совета Тружеников Земли был торжественно переименован в Город Вечности. Это название отражало

бессмертие деяний его жителей, как бы «бессмертие» самих релятивистов, непреходящее значение величественного дела освоения Вселенной. Теперь, в конце восьмого тысячелетия, это был огромный город с миллионным населением, город, ставший своеобразной сокровищницей знаний всех прошлых эпох истории, начиная с XXI века.

Руссов поднял голову и всмотрелся: призрачная пелена облаков, точно большая река, колыхалась над городом. На миг ему показалось, что это и есть таинственная Река Времени, по которой непрерывно приплывают сюда релятивисты, внизу еще лежало покрывало сизого мрака, в котором скрывались какие-то громады, подобные волнам окаменелого серебристого океана. Но вот из-за гор появилась полоса света и постепенно начали вырисовываться поляроидные крыши шестиугольных Дворцов Отдыха, многокилометровые эскалаторы, всползающие на холмы, мраморные лестницы и террасы, чаши радиотелескопов; вокруг колоссального памятника Скитальцу Космоса дрожал пояс белой пены, а искусственное озеро изумрудного цвета будто застыло в утренней прохладе. По мере того как ширилось розовое небо, стали выдвигаться ажурные здания на склонах, точно стада неведомых зверей, спускающихся с гор. Прямые проспекты, пустыне в этот ранний час, уходили вдаль, и пальмы вдоль них стояли недвижно, как часовые в заколдованном сне.

Явственно выступила из мрака циклопическая эстакада, выгнутой параболой перекинутая через южную часть небосвода; точно стоногий великан, она шагала своими километровыми опорами по долинам и перевалам, все выше и выше поднимаясь к звездам, пока ее выходная арка не достигала вершины Джомолунгмы.

Потом солнце щедро пролило на город золотой дождь своих лучей. Засверкали мачты радиотелеуправления, купол обсерватории Совета казался охваченным пламенем, засветились конструкции эстакады. Бесконечные ленты эскалаторов пришли в движение, на них появились фигурки людей. По мраморным плитам про-

спектов катились бесшумные вечемобили, казавшиеся отсюда игрушечными. С юга появилась стая грузовых гравипланов, вскоре они скрылись за высокой стеной эвкалиптов, окружавшей аэропорт. Гостеприимно распахивали свои двери Центры Общественного Распределения, Дворцы Гигиены и Павильоны Пищи. В Космоцентре мелодично загудела сирена. Глухо заурчали моторы, приводя в движение гигантские чаши радиотелескопов сопровождения.

...Двадцать лет жизни «в собственном времени» и пять тысячелетий земной истории! И он был первым среди первых Одиссеев. Когда «Циолковский» выплыл из Реки Времени на берег восьмого тысячелетия, с неопенимыми данными о цивилизации Элоры, их было только двое: он и старый Чандрагупта... Остальных циолковцев поглотил Космос. Пьяные от земного душистого воздуха, они неверными шагами вышли из корабля, буквально ослепленные красотой блистающего мира, оглушенные его кипучей, радостной жизнью. Жизнерадостные, веселые, приветливые люди восьмого тысячелетия, их потомки в сотом поколении, встречали Руссова и Чандрагупту гостеприимно и приветливо. Цветы, музыка, речи... Грандиозное празднество-карнавал, устроенное в честь скитальцев Космоса, длилось много дней подряд. А сразу после встречи к ним подошел совершенно седой человек, вероятно, очень старый, чего нельзя было сказать, глядя на его крепкую фигуру и совсем еще молодое лицо с удивительно живыми, умными глазами.

— Ваш дом — вся планета, — сказал он с сильным акцентом — ему было нелегко изъясняться на древнем геовосточном языке, и сделал жест, как бы предлагая им в дар всю Землю, обитель труда и счастья людей.

Этот человек был одним из председателей Совета Труженников Земли...

...Руссов еще долго смотрел в пространство невидящим взглядом, потом быстро поднялся с земли и пошел к гравиплану, предавшись воспоминаниям, он чуть было не забыл, что

сегодня, в День Памяти Погибших Астронавтов, состоится традиционная ежегодная встреча релятивистов с членами Высшего Совета по освоению Космоса.

...Необъятный вестибюль Совета встретил его сдержанным гулом тысяч голосов. Релятивисты группировались по отдельным секторам, куда подбирались люди более или менее близких эпох. Руссов отыскал глазами сектор с четкой — золотом — надписью «Третье тысячелетие», сделанной на условном синтетическом языке, своего рода эсперанто Скитальцев Космоса, поднялся на третий ярус и, облокотясь на барьер, стал прислушиваться к разговорам окружающих.

— Пользуясь выражением Старика, сегодня будут искать матроса для плавания по *Mare Tenebraum*, — сказал ему молодой программист с квантовой ракеты 2160-го года, оглядываясь на громадную карту Галактики, занимавшую всю стену позади трибун для членов Совета.

Руссов ничего не ответил, но машинально посмотрел в сторону шестой ложи, где сидел Старик, релятивист четвертого тысячелетия, один из уцелевших участников полета к Крабовидной туманности. Ему недавно исполнилось 206 лет. Старик беседовал с группой юношей, родившихся в Городе Вечности: их глаза горели восторгом, тогда как лица выражали неподдельную скорбь по поводу того факта, что они родились, по их мнению, слишком поздно. Рядом физик шестого тысячелетия, лучше, чем кто-нибудь другой, разбиравшийся в изменчивой сущности превращений праматери, и в двух-трех словах умевший выразить основную проблему антигравитации или нарисовать квантовую картину мира, разговаривал с поэтом, воспевавшим в своих поэмах Скитальцев Космоса. Оба, стараясь не перебивать друг друга, говорили каждый о своем, то и дело обращаясь к помощи лингвистического автомата. Чуть поодаль знаменитый химик, до конца разгадавший структуру нуклеиновой кислоты — основу жизни, — утешал юношу в синем костюме, по всей вероятности

наладчика электронных машин, посвящавшего свой досуг биологии. Из отрывочных фраз, долетавших до него, Руссов понял, что вместо живого белка... что-то вроде канцелярского клея, которым пользовались его предки на заре времен.

Здесь были, наконец, два-три математика, одержимых вечно юной мечтой ученых — сформулировать на языке цифр и уравнений физико-биологические законы перехода индивидуума в другие измерения Вселенной, в реальности которых они были убеждены так же непоколебимо. Как в том, что скорость света есть корень квадратный из отношения энергии вещества к его массе. Разноязыкий говор мерно перекатывался по вестибюлю, подобный шуму гальки на отмели, поднимаемой прибором.

Вскоре появился невысокий крепкий человек просто и скромно одетый. Улыбаясь, шел он, раскланиваясь и обмениваясь рукопожатиями с релятивистами. Его сопровождала целая группа лиц: то были председатель и члены Высшего Совета по освоению Космоса. В этот традиционный день они должны были завершить подбор пилотов для очередного звездолета. Заполучить в качестве одного из пилотов релятивиста из Города Вечности — были мечтой любого экипажа, отправлявшегося ежегодно к другим солнцам. Ничто — ни высочайшая техника нового мира, ни самые совершенные электронные автоматы, ни астронавигация, обобщившая опыт межзвездных путешествий за истекшие шесть тысячелетий, — ничто, повторяем, не могло заменить драгоценного живого опыта релятивиста, опыта доставшегося ему столь дорогой ценой.

Члены Совета отворили колоссальные резные двери Зала Заседаний, украшенные тончайшей художественной резьбой, и все собравшиеся двинулись туда без церемоний, чтобы занять места за длиннейшим столом.

...На трибуне появился Председатель Совета и поднял руки, призывая к молчанию. Когда установилась тишина, он сделал знак, и одновременно с легким гудением универсальной

лингвистической машины, переводившей его слова сразу на все языки, известные релятивистам, на восточной стене зала мягко замерцал синеватым светом вогнутый экран телевизора Всепланетной Сети.

— Друзья и братья! — воскликнул он звучным чистым голосом. — В начале августа мы отправляем во Вселенную «Палладу», новейший звездолет класса «КЗ-7-9-ПН». Цель полета — исследовать звездную систему Альфы Эридана. Как ни странно, но ни один астролет предыдущих тысячелетий не посетил еще этот мир... Совет Тружеников Земли решил восполнить этот пробел. Косвенные данные астрономии говорят о наличии там богатой зоны жизни. Не ради того, чтобы поставить на карте Галактики новый флажок «Звезда исследована», и тем более не для удовлетворения желаний любителей подвигов и острых ощущений уходит в Космос «Паллада». Вы знаете это лучше меня, ибо самые крепкие, самые дорогие камни в гигантскую пирамиду современного человеческого знания заложены Скитальцами Космоса. Ценой вашего ухода из жизни своего поколения, ценой жизни тысяч Погибших Астронавтов, избородивших весь необозримый океан солнц в плоскости третьей спирали Галактики, получило человечество неопценимые знания о свойствах материи, о превращениях единого поля, о балансе и способах генерации энергии. Научный результат каждой межзвездной экспедиции, привезшей на Землю информацию о других путях развития Познания в иных обществах разумных существ, стоит тысячелетий земных научных поисков!

... Итак, люди восьмого тысячелетия просят Скитальцев Космоса заполнить одну вакансию. Кто хочет быть вторым пилотом «Паллады»?..

Воцарилось молчание. Релятивисты не спешили изъявить свое желание.

— Пуститься вновь по Реке Времени, чтобы причалить к берегу еще более далекой эпохи будущего? Потерять только-что приобретенных дру-

зей?... Я уже не смог бы... Буду доживать свои дни в Городе Вечности, — поймав взгляд Руссова, сказал Ибаньес, штурман звездолета 2160 года. — Вы согласны со мной?..

Руссов посмотрел на него отсутствующими глазами и встал. Председателя Совета наперебой осаждали юноши, благоговейно внимавшие до того речам Старика. Бегло взглянув на них, Председатель отрицательно покачал головой: ни один из молодых энтузиастов не мог претендовать на вакансию, так как кроме молодости да Школы Элементарной Астронавигации за душой у них ничего не было. Старые релятивисты продолжали тихо переговариваться, а люди восьмого тысячелетия смотрели на них с понимающей, доброй улыбкой. Собственно говоря, Совет никогда и не настаивал на их участии в очередных экспедициях, считая, что релятивисты с лихвой выполнили свой долг перед человечеством. В конце концов, у Совета не было недостатка в энтузиастах, обивавших пороги Сектора Межзвездных Проблем.

Обращение Председателя Совета продолжало висеть в воздухе, невольно будоража сердца старых звездолетчиков. Протиснувшись сквозь рой огорченных юнцов, Руссов подошел к Председателю.

— Я готов занять свободное место в «Палладе», — глухо проговорил он. Впоследствии он и сам не мог понять, как все это случилось. Он помнил лишь, что призыв Председателя Совета наполнил все его существо страстной жадной полета. Оставайся с нами, Иван Руссов... человечество помнит твой скитания... Ведь это «Циолковский»? Геовосточный Трудовой Союз?..

Руссов подтвердил кивком головы и снова настойчиво повторил:

— Я готов лететь на «Палладе»...

— Хорошо, — ответил после некоторого молчания Председатель, обменявшись несколькими фразами с членами Совета. — Завтра ты познакомишься с экипажем «Паллады». Астронавты сейчас проходят предстартовую подготовку на суточ-

ном спутнике, и ты присоединишься к ним.

...Не оставляя за собой ослепительного шлейфа света, характерного для фотонных ракет прошлого, «Паллада» стремительно ускоряла свой полет, каждую минуту «проглатывая» кусочек бесконечности длиной в 18 миллионов километров. Это был первый корабль, который двигался за счет реактивной тяги, возникающей при отбрасывании невидимых радио-квантов высокой частоты. Правда, квантовый звездолет разогнался в несколько раз медленнее фотонно-мезонных ракет, так как грозили испепелить отражательный параболоид. До сих пор самой сложной проблемой в фотонных ракетах оставалось усмирение чудовишно раскаленного светового луча, падающего на поверхность параболоида. Непроизводительно расходуемые для питания охлаждающих систем десятки миллионов киловатт, сверхмощные магнитные экраны, а значит новые миллионы киловатт энергии, сдерживающие убийственную мощь излучений, нейтронные завесы, точнейшие по своей синхронности операции обновления атомной структуры параболоидов, — все это было теперь преодолено.

...Он снова плыл по безбрежному океану пространства-времени и чувствовал себя в родной стихии. Голубоватые огоньки уходящих назад звезд приятно подмигивали с боковых экранов, и успокоительная мелодия, лившаяся из приборов охраны электронных связей, казалось говорила: «Мы на страже, сын Разума... бесконечность склоняется у твоих ног». Еле уловимый бас квантовых генераторов напоминал о десяти миллиардах киловатт-энергии внутринуклонного распада, ежеминутно преобразуемых в бешено рвущийся реактивный луч радиоквантов. Релятивистские часы, соединенные со счетчиком звездных скоростей, каждый час издавали тонкий звук, словно удивляясь тому, что на Земле за эти шестьдесят минут истекало 420 суток!

...Звездолет заканчивал этап тор-можения, оставив позади себя почти двадцать два парсека. Пространство вокруг «Паллады» как бы «прогибалось», изнемогая под действием чудовищной эквивалентной массы, порождающей мгновенное поле тяготения, в сотни раз более напряженное, чем сила тяжести у поверхности Земли. Жизнь экипажа текла с размеренностью хорошо отрегулированного механизма. Совершенная система электронных автоматов с безупречной точностью вела корабль по курсу, и спутники Руссова спокойно и весело, точно они и не покидали Земли, делили свое время между трудом, отдыхом и сном. Ровно в шесть часов «утра» мелодично звучал гонг — жизнерадостные, напевающие мужчины и женщины собирались в Павильоне гигиены. Утонченная гимнастика, сопровождаемая чарующими звуками музыки, освежающие ванны и излучения, простая сытная пища — так начинался трудовой день. Штурманы и механики, инженеры и пилоты наносили визиты подопечным приборам и механизмам. Астроном терпеливо проверял координаты Альфы Эридана, зеленый диск которой все ярче разгорался на экранах. Математик и два его помощника-программиста в сотый, наверное, раз уточняли программу маршрута и команды аварийным роботам на случай непредвиденных осложнений. Главный пилот Варен, белокурый бронзовый атлет в легкой тунике, мурлыкая песенку, сосредоточенно изучал кривые вероятностных погрешностей, чтобы внести поправки в дневниковые записи автомата. Ученые малопонятных Руссову новых отраслей знания работали в салоне-информарии, готовясь к исследованию другого мира. Руссов тоже упорно и самозабвенно изучал сложную астронавигационную технику восьмого тысячелетия. Причудливый узор не всегда понятных кривых на шкалах зачастую ставил его в тупик, а гигантский пульт подавлял обилием основных и дублирующих приборов, указателей, эк-

ранов и экранчиков, лампочек и индикаторов.

«Вечерами», после обеда и отдыха, астронавты собирались в большом круглом зале, где было все, что наполняет сердце радостью бытия: мраморный бассейн с голубоватой, чистой, как слеза, водой, пахнущей свежестью морских просторов; небольшой сад, напоминающий кусочек земных субтропиков; спортивная площадка, музыкальные инструменты, настольные игры. Почти ежедневно космонавты устраивали концерты самодеятельности, в которых все показывали свое искусство: декламировали из древних и современных поэтов, читали отрывки любимых произведений, музицировали, разыгрывали веселые сценки и скетчи. Шумным успехом пользовались выступления электронного механика Жонта и телефотографа Светланы Сергеевой. Особенно запомнилось Руссову их первое выступление. Когда Жонт взял первые аккорды, раздалась музыка, звучная и сильная, как гармония небесных сфер. Необычайно сильный, глубокий грудной голос Светланы влился в музыку аккомпанемента так незаметно, что Руссов не мог определить, в какой момент это произошло. Мелодия то стихала, то усиливалась, как шум крыльев раненой птицы. Импровизация закончилась ярким, сверкающим, как звон мечей, каскадом музыкальных звуков. Вслед за тем девушка и механик, без всякого перерыва, взялись за руки и в стремительном ритме исполнили сложный танец. Дружный всплеск аплодисментов вызвал на их раскрасневшихся лицах радостные улыбки. С неожиданным изумлением Руссов понял, что люди восьмого тысячелетия, несмотря на духовную сложность натур, просты и незатейливы, как ветрок в степях его родины.

На другой день он стал внимательно присматриваться к Светлане, отдаваясь потоку всплывших чувств и впечатлений. Это была жизнерадостная, веселая девушка. Напевая песенки, она быстро и ловко настраивала свой телефотоаппарат, похожий на древ-

Рисунки Н. Гришина

«З-С» Фантастика №2, 2006

ную пушку; ее сильные пальцы безошибочно касались нужных рычагов и кнопок. Все так и кипело в этих ловких, изящных руках. Она была высокая, стройна и белокура. Изредка он встречал веселый взгляд ее живых серых глаз... Несколько дней он порывался подойти к ней, но каждый раз останавливался в нерешительности. Он никак не мог освоиться с тем, что она «старше и умнее» его на целых шесть тысячелетий. Но все же он решился и подошел к Сергеевой. Открытый дружеский взгляд и внимательная улыбка девушки ободрили его.

— Вы первый раз в межзвездной? — с усилием сказал он, чтобы сказать что-нибудь. «Да, в первый раз», улыбнулась Светлана. «Зовите меня на ты, в нашем мире это не является нарушением правил вежливости». «И вас... простите, тебя... не волнует перспектива возвращения на Землю... в другую эпоху, потеря родных и близких?.. Мы же вернемся не раньше, чем пройдет полтора века в истории Земли». Светлана на миг задумалась: «Я еще застаю в живых младшую сестру, в момент старта ей было всего шесть лет». «Вы не боитесь одиночества в этом будущем?». «Нет, у меня не будет одиночества... я не боюсь будущей эпохи». «Это потому, что за полтора столетия люди почти не изменят свой язык, нравы и строй представлений». «Отчасти поэтому. Ведь это не пять тысячелетий, как в твоём случае...». «Интересно, сколько лет вам?». «Двадцать девять». «Поразительно! А на вид не дашь и восемнадцати». «Гармоничная, разумно построенная жизнь... Общественный Контроль Здоровья... вот и все», засмеялась она. «Почему ты был мрачен в начале пути? Жаль было расставаться с Землей?». «Нет, я грустил о третьем тысячелетии...».

Девушка нового мира смотрела на него внимательно, чуть удивленно, спокойно, дружелюбно, без тени смущения или жеманства. Варен, проходивший мимо, радостно заулыбался, увидев оживленное лицо Руссова, человека прошлого, которого он успел

полюбить, как любим мы все то хорошее в прошлом, что доносит в грядущее память человечества.

Руссов, продолжая улыбаться, прислушивался к чеканным певучим словам еще малопонятного ему языка, с трудом улавливая смысл отдельных фраз.

...Если бы Руссов сумел заглянуть в душевный мир Светланы, он узнал бы, что девушка также неотступно думает о нём. Сумрачный Астронавт представлялся ей совершенно непохожим на ее современников, он казался ей более героичным, самостоятельным, не избалованным помощью высочайшей техники восьмого тысячелетия, более стойким, неприхотливым, терпеливым. Ведь он пришел из той героической бурной эпохи, когда в борьбе противоположных тенденций воздвигалось Светлое Царство Коммунизма, закладывалось гранитное основание Всемирного Трудового Братства. Он сам казался ей высеченным из цельного куска гранита, привлекательным даже в своих слабостях...

Плодом этих раздумий Светланы явился поступок, может быть, непривычный с точки зрения женщин прошлых времен. В один из последних «дней» торможения «Паллады» она неожиданно подошла к Руссову и, глядя на него своими ясными серыми глазами, сказала:

— Хочешь быть моим другом, Сумрачный Астронавт?.. там... на Земле, когда мы вернемся в Город Вечности?.. — и запнулась, невольно краснея: Руссов не сводил с нее глаз, в которых отражались неудержимая радость, удивление, любовь, благодарность за доверие, сомнение в возможности столь быстрого исполнения его страстной мечты.

Вместо ответа он молча прижался губами к пальцам ее дружески протянутой руки...

... Веселый, зеленый свет струился отовсюду. С главного экрана Руссову улыбался изумрудный диск Альфы Эридана, разбрасывающей в пространство дрожащие, переливающиеся

голубоватыми тонами зеленые стрелы. Синеватый ореол короны нового солнца казался ему ожерельем из драгоценных камней, а зеленые искры, вспыхивающие на шкалах приборов, заставляли жмурить глаза. Он стоял у пульта рядом с Вареном, изредка касаясь его ласковой сильной руки, и уверенно вел «Палладу» к средней планете системы — планете, окутанной зелено-голубым одеялом атмосферы. Мощно пели ядерные тормозные двигатели. Корабль, повинаясь обретшей былую точность и силу движений руке Скитальца Космоса, плавно вошел в верхнюю атмосферу неведомой планеты. ...Когда утихло дрожание корпуса «приземлившейся» «Паллады», Варен одобрительно сказал Руссову:

— Мастерская посадка! Ты неплохо освоил управление новым даже для нас кораблем.

— Смотрите, как красиво! — воскликнула Светлана, указывая на боковой экран, в котором была видна вся в лучах зеленого солнца неведомая страна.

— Приготовиться к высадке на планету! — прокатилась по астролету команда, повторенная автоматами во всех отсеках.

Люди привычно исполнили процедуры, требуемые техникой космической безопасности, облачились в скафандры биологической защиты и, сгибаясь в ураганном потоке рвущегося из выходного тамбура «Паллады» воздуха, ступили на почву планеты. Было раннее утро чуждого мира. Длинные росистые тени пестрили широкую, заросшую пышной травой равнину; с трех сторон стоял гигантский лес, поражая взгляд удивительно яркой желто-оранжевой листвой; деревья, напоминающие первобытные хвощи и папоротники прошлых геологических эпох Земли, дымились в легкой утренней дремоте; первозданная тишина этого мира была так отчетлива, что невольно навевала страх. Непривычное иссиня-фиолетовое небо, по которому катились волны нежнейшего желтого света, казалось, опрокидывалось в изумрудно-фиолето-

вый океан, расстилавшийся далеко у горизонта.

Звучный голос Варена, раздавшийся в шлемофонах астронавтов, вывел их из созерцательного оцепенения.

— Этот мир дождался своих Колумбов, — промолвил он. — Не будем медлить. Готовьтесь в первую разведывательную экспедицию...

Когда улеглось волнение дорожных приготовлений, а Жонт уже включил двигатель гусеничного атомохода, Варен обратился к астронавтам:

— Друзья! А кто же останется охранять корабль?..

Воцарилось напряженное молчание, так как никому, вероятно, не улыбалось сидеть в порядкем надоевших за пятьдесят суток полета стенах «Паллады», в то время как волшебная страна манила своими неразгаданными тайнами.

Варен некоторое время понимающе смотрел на товарищей.

— Придется бросать жребий?

Все с радостью согласились, ибо каждый надеялся, что это будет не он. Жребий скучать в корабле выпал Светлане. Ее заодно-выжидающее за минуту до того лицо покрылось такой печалью, что Руссов безотчетно поднял руку и прогудел в микрофон:

— Друзья, мне что-то нездоровится. Я остаюсь в корабле.

Наградой ему был благодарный взгляд серых глаз. Варен понимающее улыбнулся и пожал плечами.

Заняв места в атомоходе, астронавты нетерпеливо поглядывали на Варена, который говорил Руссову:

— Закройся в астролете и не выходи наружу, пока мы не вернемся. Здесь могут быть всякие неожиданные вещи. Мы вероятно, скоро возвратимся. Следи за нашей экспедицией в телевизор АРАТ'а — антигравитационного радиоуправляемого автомата-телепередатчика...

...Гудя, точно рассерженный шмель, атомоход медленно двинулся в путь. Руссов провожал его глазами до тех пор, пока он не скрылся в высокой траве. Последнее, что он видел, была рука Светланы, прощально ма-

шущая ему. В биологическом скафандре рука выглядела забавно-толстой и неуклюжей. Потом он возвратился в астролет, чтобы включить механизм, приводящий в действие телепередатчик. Сторонний наблюдатель увидел бы, как в корпусе «Паллады» у основания гребня приемника равновесия с мягким шорохом откинулась часть обшивки, из потайного люка выпорхнула серебристая, почти игрушечная ракета. Еле слышно жужжа, она описала над «Палладой» два круга и, подчиняясь радиокомандам из корабля, поплыла на юго-восток, догоняя ушедшую экспедицию. Через несколько секунд путешественники уже углубившиеся в первобытный желто-оранжевый лес, заметил у себя над головой послушно следующую за ними ракету-телепередатчик.

Руссов смотрел на экран телевизора, с глубоким интересом наблюдая за продвижением атомохода. Машина яростно пробивалась сквозь дремучие заросли диковинных растений, отдаленно напоминающих земные рододендроны. Словно древний танк, атомоход с треском валил деревья. Неожиданно лес кончился, и открылся такой широкий морской простор, что исследователи невольно издали слитный крик восторга. Изумрудный солнечный шар неистово плавился над первобытным океаном, рассыпая по гребням невysоких длинных волн легкие, искрящиеся блески. Далекий горизонт тонул в изумрудно-золотом сиянии. Прибрежная галька, отполированная прибоем, переливалась всеми оттенками жемчужного цвета. Фиолетовые тени, отбрасываемые странными кактусоподобными растениями, подчеркивали необычность и тонкость утренних красок другого мира. В кудрявых ослепительных проsvетах прибрежного леса блеснула лучистая паутина.

Он увидел далее, как товарищи разбрелись по берегу. Каждый нашел, чем утолить свою страсть. Светлана воинственно нацеливалась портативным телефотоаппаратом то на изумрудно-фиолетовую даль моря, то на сплошную стену прибрежного леса,

то на странных рыб, высывывавших из воды свои изумленные головы с выпученными глазами. Неуклюже подпрыгивая, биолог тщетно пытался настичь небольшое ящероподобное создание, быстро убегавшее от него вдоль кромки берега. Два геолога деловито орудовали инструментами у желтоватых скал, венчавших мыс в двухстах метрах от атомохода. Химик брал пробы воды и грунта, а ботаник казалось готов был завалить кузов машины охапками растений и цветов. Варен вместе с физиком и астрономом занялся проверкой аппаратуры для определения состава излучения зеленого солнца.

— Посмотрите на это чудо-юдо! — воскликнул вдруг химик, указывая на море.

С громким всплеском расступились волны, и море явило потрясенным землянам нечто громадное, чудовищное, поражающее воображение. Сначала показалась титаническая змееподобная голова, усеянная странными кроваво-красными наростами, затем появилось неимоверно толстое, гибкое, скользкое, извивающееся тело, поминутно меняющее свою окраску от слабо голубой до ослепительной синей. Светлана подбежала к самой воде, спеша запечатлеть на пленку чудовищного Протеза местных вод. Но морское чудище, злобно сверкнув на нее своим единственным глазом, равнодушно повернулось боком и замерло, нежась на солнце.

— Какая жалость! — сокрушалась Светлана, вертя в руках аппарат. — Мне не удалось сфотографировать его в анфас. Неужели не повернется?..

Исследователи, побросав свои занятия, сбегались к берегу, чтобы лучше рассмотреть неземного рыбо-ящера.

— Сейчас мы заставим его обратить на зрителей внимание!.. — проворчал физик и, прежде чем Варен успел сделать ему предостерегающий жест, выстрелил в зверя. Ослепительный тонкий шнур, исторгнутый из раструба атомного излучателя, вонзился в тело чудовища. Все последующие события произошли, как показа-

лось Руссову, в течение едва ли тысячной доли секунды. Рыбоящер страшно взревел, мгновенно сбросил яркосинюю окраску, став почти прозрачным, судорожно сократился, — и вдруг на берег пала иссиня-голубая молния, вернее, пульсирующее, перебивающееся цветами моря длинное облако. По скафандрам астронавтов зазмеились искрящиеся звездочки.

— Ах... — услышал Руссов сдвоенный крик Светланы, упавшей на оранжевый песок. Стоявшие поблизости от нее астронавты тоже упали, как подкошенные. Варен, два геолога, математик и программисты, находившиеся дальше всех от берега, пострадали, вероятно, меньше других, так как судорожными рывками поползли к атомоходу. Еще и еще раз вдогонку им, на лежащих, на атомоход падало иссиня-голубое облако. Варен, успевший добраться до машины, так и застыл, перебросив половину туловища через борт...

Руссов вскочил на ноги и, держась рукой за сердце, бессмысленно наблюдал за рыбоящером, который лениво резвился в воде, как ни в чем не бывало. Потом он скрылся в волнах и больше не показывался. Коротко, невнятно вскрикнув, Руссов бросился одевать скафандр. Спустя две минуты, он уже бежал по тропе, впервые от начала времен проложенной атомоходом на этой земле. Это было хуже, чем в дурном сне: казалось, дороге не будет конца.

...Двенадцать километров, отделяющие место катастрофы от «Паллады», он с трудом преодолел к исходу второго часа пути, задыхаясь и падая от усталости. Астронавты лежали в самых разнообразных позах, вытянувшись двумя цепочками по направлению к атомоходу, достичь которого им так и не удалось. Ближе всех к воде лежала Сергеева. Ее руки судорожно сжимали футляр кинофотоаппарата. Сквозь стекла шлема он увидел ее прекрасное лицо, тронутое гримасой мгновенного страдания, плотно сжатый рот, длинные стрелы ресниц. Острая боль пронизала сердце Руссова, приглушенный вопль сорвался с его губ. Тихий звук над головой заставил

его испуганно вздрогнуть и посмотреть вверх: антигравитационный телепередатчик продолжал безучастно кружить над местом трагедии, с бесстрастной точностью автомата посылая на экран «Паллады» цветные изображения. Он вспомнил, что забыл возвратить передатчик на корабль. Этот звук напоминал ему теперь похоронный звон. «Что же это?.. как же это?..», беззвучно шептал Руссов, опускаясь на землю. «Один... совсем один... и до Земли двадцать три парсека». Вслед за тем он встал и рванулся к физику, лежавшему подле Светланы. «Каков вид излучений мог убить их?.. Может быть, это несмертельно?.. Обыкновенный паралич?.. Он впился взглядом в шкалы приборов, укрепленных на груди физика. Цветной шарик индикатора тихо покачивался над синей буквой «е». «Электронь!..», с облегчением подумал Руссов, «Поток электронов! Чудовище выбрасывает электрические разряды». Он снова посмотрел на стрелки приборов. Сумматор показывал цифру «1825 киловатт». Это была мощность убившего товарищей разряда! Только высокотемпературное зеленое светило могло породить на этой планете формы жизни, способные аккумулировать и излучать электрическую энергию столь мощными порциями. Потом он прикинул защитную мощность скафандров, и искра надежды забрезжила в его помутившемся сознании. «Возможно, просто тяжелый электрический шок?» Перед его глазами встало сферическое здание Института космических травм, расположенное на северо-восточной окраине Города Вечности. «Там излечивали и не такие травмы...» Да, но ведь он совершенно один!.. И до Города Вечности семьдесят световых лет. «Анабиоз! Гипотермия! Вот что спасет тела товарищей от необратимых изменений на долгом пути к солнечной системе». Его лицо стало сосредоточенным, даже жестким. Он знал теперь, что должен делать. Прежде всего, защитить товарищей от действия могучего зеленого солнца, от его неистовых пламенных лучей. Наручный термометр показы-

вал 70 градусов жары! Поминутно остывая на шурующей гальке, он топорливо перебегал от одного скафандра к другому, выводя регуляторы охлаждения на каждом костюме влево до упора. Это должно было обеспечить нулевую температуру во внутреннем объеме скафандров. Затем он стал переносить товарищей к атомоходу.

Альфа Эридана прошла зенит и стала медленно клониться к западу, когда он, еле передвигая ноги от усталости, наконец, сел за руль и нажал кнопку самопуска двигателя; но вместо знакомого пения атомного реактора ощутил пугающую, звонкую тишину. Он нажал снова — и снова тишина! Его внимание привлёк светящийся диск счетчика излучений. «Ионизация нарастает!» — кричал его красный зрачок. — «Уходи!». Многочисленные короткие замыкания, о которых свидетельствовали оплавленные, сторевшие концы проводов, контакты и сердечники реле, вероятно, вывели из строя самопуск, нарушили точнейшее взаимодействие всех частей автоматической схемы, вывели из строя защитные экраны и каскады реактора, и теперь его излучение просачивалось наружу, с каждой минутой усиливаясь. Он еще раз взглянул на счетчик: «Пять тысяч рентген в час... Это предел, выше которого скафандры уже не защищают!..» Нельзя было оставаться в атомоходе ни минуты больше. Он бросился выносить тела товарищей из опасной зоны.

Мерно рокотал фиолетовый прибор, ему вторил глухой шум деревьев на опушке леса, а Руссов, задыхаясь и тяжело переставляя непослушные свинцовые ноги, все отмеривал мучительно-длинные метры: восемьдесят шагов с тяжелой ношей до опушки леса, восемьдесят шагов обратно. И так ровно одиннадцать раз. Когда он бережно опустил на землю последнего астронавта, ему сделалось плохо. Он на минуту потерял сознание, и какое-то время отдыхал в странном полусне. Потом его сознание прояснилось, он с трудом поднял голову. Ярко-желтое светило скрывалось за красноватым

горбом лесистого мыса, выступающего в море справа от него. Свинцовая усталость, тяжесть в голове и грозное настоящее вернули его в состояние угрюмой напряженности. «Что же делать?.. атомоход не исправлен... там радиация. До «Паллады» двенадцать километров... Почему в корабле нет запасного атомохода! Пстой, пстой!.. а гравиплан! Ура! Гравиплан!..». Он закричал от радости. Ведь в «Палладе» есть гравиплан, большая вместительная машина. Ему надо лишь собрать последние силы, добраться до корабля... Вдруг он замер, широко раскрыв глаза, пронзенный мыслью: «Да, но гравиплан-то разобран!..» Он вспомнил еще, как механик и электронный инженер перед посадкой обсуждали схему сборки машины, которая существовала лишь в виде более или менее крупных узлов и деталей, укрытых в грузовом отсеке. Руссов бессильно опустился на землю. После минутного раздумья он понял, что ему не собрать гравиплана — по крайней мере, до тех пор, пока он не будет знать его устройство и взаимодействие частей так же хорошо, как знали гравиплан Жонт и электрогравик Федоров. «Как же быть?» Идти налегке в звездолет, бросив здесь товарищей, и приниматься за изучение схемы гравиплана, на что уйдет, наверно, несколько месяцев? Да, но товарищи не могут здесь находиться больше двух-трех дней. Они должны быть как можно быстрее погружены в спасительный холод гипотермии... Как же доставить их в корабль?.. Он в отчаянии повел головой и с трудом встал на ноги. На фиолетовом небо-своде зловеще догорала оранжево-желтая заря.

Сжав зубы, Руссов все-таки пошел опять к атомоходу, мучительно размышляя о том, как найти выход из этого отчаянного положения. Носить по одному человеку к звездолету? Одиннадцать раз туда, одиннадцать раз обратно... двенадцать километров и еще двенадцать километров... почти триста тысяч шагов, причем половину пути с тяжелым грузом? Он понял, что это ему не под силу...

Так же как и в земных тропиках, ночь здесь наступила внезапно. Он ощутью нашел зашелки и в раздумье откинул пластмассовые борта атомохода. «Тупица! Вот платформа для перевозки! Борт!». Догадка окрылила Руссова. Он бросился в кабину управления, быстро нашел необходимые инструменты и, включив нашлемный прожектор, снял боковые борта атомохода. Яростно орудуя инструментами, он пробил на передней кромке каждого из бортов по два отверстия, продел в них гибкий канат, благодаря судьбу за то, что последний оказался в ящике запасных деталей, и, впрягшись в лямки, почти бегом потащил обе «платформы» к чернеющим вдали телам товарищей. «Теперь скорей к астролету, в спасительный холод анабиозных ванн...».

Руссов бережно разместил тела товарищей на обоих бортах и со вздохом подумал о том, что, пожалуй, оба «поезда» сразу ему не свезти. На каждом листе — шесть человек, на каждом — полтонны драгоценного груза. Он напрягся и потянул одну из платформ. Скрипнув, она тяжело сдвинулась с места. «Это нелегко... но нужно довести... надо везти». Он решительно впрягся в первый «поезд». Стало совсем темно. Нашлемный фонарь бросал вперед дрожащий, неверный луч света. Первобытный лес встретил его мраком, злоещим, настоженным молчанием, изредка нарушаемым сонным хлопаньем крыльев уснувшей птицы да какими-то неясными шорохами. Он подумал о хищных зверях и внутренне содрогнулся, но вскоре успокоился, вспомнив, что у него есть мощный атомный излучатель, найденный в атомоходе. Он остановился, взял излучатель и передвинул рычажок генерации излучений на красное деление.

...Руссов останавливался через каждую сотню метров. Его сердце отчаянно колотилось, не хватало дыхания, каждый новый шаг вперед был мучительной пыткой. Нечеловеческие усилия, которые он прилагал, чтобы тянуть вперед неимоверно тяжелый «поезд» с астронавтами, вскоре окончательно истощили его. Мускулы

ног и рук отказывались повиноваться. Он впервые пожалел, что в последние месяцы перед отлетом нерегулярно посещал Дворец Здоровья и Силы, поддавшись меланхолии. Лямка невыносимо резала плечи, плотно вдавившись в упругую ткань скафандра. Но он шел, тяжело переставляя ноги, делая в час не более километра, так что его могла бы легко обогнать черепаха. Лесу, казалось, не будет конца. Он потерял представление о времени и месте, но все шел и шел, спотыкаясь, падая, вставая, чтобы сделать два-три судорожных рывка вперед, и снова падая. Наконец, он упал, попробовал подняться и не смог. Тяжелый сон сковал его усталое тело.

...Вдали у горизонта уже был виден корпус «Паллады». Когда он достиг звездолета, он снова упал и приходил в себя, по крайней мере, целый час. Процедуру переноски товарищей внутрь звездолета он вспоминал впоследствии с ужасом.

Так как его страшно мучила жажда, он поспешил снять шлем и жадно выпил целый термос «звездного нектара». Потом бросился освобождать товарищей из скафандров. Переноса в анабиозную ванну Сергееву, он с болью в душе чувствовал, как холодны ее руки, и прежде чем закрыть прозрачную крышку гипотермического резервуара, поцеловал девушку в ледяной лоб.

... Потом он отправился за вторым «поездом». «Надо успеть до ночи вернуться в астролет», думал он, подгоняя себя; но войдя через два часа в лес, понял, что ему не успеть: день здесь был гораздо короче, чем на той же широте Земли. Однако его чувства настолько притупились, что он не испытал никакого страха перед перспективой вторичного ночного путешествия через лес. Он посмотрел вверх, на глухо шумящие кроны деревьев. В просветах листьев не было видно звезд, как в прошлую ночь. Вероятно, небо заволкло тучами. Было темно, как в угольном мешке. Внезапно хлынул такой ливень, какого он не видел даже в тропиках Элоры пять тысячелетий назад. С неба падала сплошная водяная стена, пере-

ливаясь ручьями и водопадами в кронах «хвошей» и «папоротников». Это был настоящий вселенский потоп. Почва мгновенно размокла, его ноги скользили и вязли в красноватой грязи. К счастью, ливень кончился так же внезапно, как и начался. Идти стало несравненно трудней. Последние сотни метров, отделявшие его от прибрежной опушки леса, он падал почти на каждом шагу: упругая ткань скафандра несколько смягчала убийственные удары о камни и коряги.

К побережью он вышел в три часа ночи по своим часам. Так ли это было на самом деле, он не знал, понятия не имея о времени на этой планете. Во всяком случае, была глухая полночь. Его встретил невероятный гул разгулявшегося первобытного океана. Побережье стонало под чудовищными ударами ветра и прибоя.

Цепляясь руками за все, что попадется на пути, Руссов с величайшим трудом тянул «поезд» по пологому склону, по которому журчали сотни ручейков, бегущих из леса к морю. Их породил этот короткий ливень, обрушивший на лес целый океан воды. «Поезд» скользил по раскисшей почве намного легче, чем вчера по сухой, но зато Руссов не мог прочно поставить ногу для упора и неизменно скользил и падал. В результате этого за два часа он прошел едва ли больше километра. Луч нашлемного прожектора, в такт движению зигзагами метался по стволам деревьев, выхватывая из мрака то пышный куст, усыпанный, точно бриллиантами, крупными каплями воды, то морщинистый или гладкий ствол гиганта растительного мира, то нагромождение бурулума. Ему казалось, что он идет уже тысячу лет, а джунгли все еще не кончались. Вдруг впереди себя он услышал могучее дыхание и, выключив фонарь, в страхе остановился. Всеми клетками своего тела он ощущал, что там, в непроницаемой темноте притаилось что-то огромное и страшное, наверное, какой-нибудь первобытный хищник. Дыхание зверя было так могуче, что Руссов отчетливо слышал тихий шелест лис-

тьев, трепавших в струе воздуха, извергавшегося из невидимых ноздрей или пасти. Что было делать? Он боялся пустить в ход атомный излучатель, так как не был уверен, что сразу поразит хищника. Не собирался уходить и зверь. Надо было на что-то решаться и, нащупав в темноте излучатель, Руссов послал в чашу пронзительно-белый луч излучения. Впереди что-то подпрыгнуло. Затрещали кусты, раздался такой злобный рев, что Руссов облился холодным потом. Вслед за тем он почувствовал, как над ним пролетело в воздухе что-то невероятно огромное, гибкое и тяжело обрушилось в десяти шагах позади него. Страшно хрипя, это «что-то» поползло к нему, сотрясая почву. Тогда Руссов, не помня себя от страха, до тех пор хлестал излучениями по приближавшемуся чудовищу, пока оно не затихло. Несмотря на бесконечную усталость, он пошел взглянуть на это «что-то». Незаметно посветлело, так как начинался рассвет; он смутно различил оскаленную морду какого-то апокалипсического зверя, длинные мощные лапы-крючки и гигантское туловище, исполосованное причудливыми узорами неопределенного цвета.

Потом он опять двигался на четвереньках, всхлипывая от напряжения, поминутно засыпая и просыпаясь. Позднее утро застало его на равнине. Сильный ровный ветер, дувший из-под восходившей Альфы, быстро сушил мокрую почву. В воздухе дрожали дымные испарения. К астролету он подошел уже к вечеру не на «втором», а, наверное, на «четвертом дыхании» и упал в последний раз. Засыпая тут же, у входного люка, он слабо улыбнулся, радуясь, что кончился этот невероятный поход.

Двое суток он отсыпался в салоне, не вставая даже для того, чтобы поесть. Теперь ему были не страшны все стихии этой планеты. Несокрушимые стены «Паллады» защищали его. Товарищи покоились в анабиозе. Они могли теперь лежать там тысячи лет, огражденные от каких бы то ни было изменений в состоянии своих организмов. На третьи сутки Руссов про-

снулся, чувствуя себя вполне отдохнувшим, если не считать тупой, ноющей боли во всем теле. Два сеанса в кабине освежающих излучений, высокотонизированная пища и «звездный нектар» окончательно вернули ему силы и бодрость. Пора было думать об отлете к Земле.

Он вошел в Централь Управления и с некоторым смущением обвел глазами сложное нагромождение приборов, кнопок, циферблатов, ряды роботов. «Не бойся», казалось говорили они, «ты ведь с нами знаком». Он вздохнул, потому что не мог вот так сразу включить двигатели и устремиться к родной Земле. «Программа... сумею ли я составить ее без помощи математика, астронома, программистов?..». Где-то в невообразимой дали пространства, за квадриллионы километров отсюда плывет в Космосе родное Солнце, увлекая за собой планеты и Землю, пробегая каждую секунду 270 километров; с наименьшей скоростью мчится в пространстве и Альфа Эридана со своими планетами; трудно, очень трудно попасть кораблю «в цель»: на протяжении двух десятков парсеков пути его подстерегают гравитационные возмущения, искривляющие курс, межзвездные магнитные поля, искажающие показания приборов, сотни неучтенных случайностей... А ведь траекторию полета нужно проложить строго по прямой, ибо только по прямой может двигаться субсветовой звездолет.

В сейфе Варена он быстро разыскал черновую схему программы, заготовленную еще на Земле, и, не колеблясь, прошел в информарий-библиотеку. Он должен теперь напрячь все свои способности, мобилизовать всю волю, чтобы в ходе анализа и расчетов заполнить вот эти пустующие клетки перфолент двоичными числами, этими до смешного простыми сочетаниями отверстий на ленте, за которыми, однако, скрываются целые Гималаи знаний, труда и расчетов.

Вскоре Руссов напоминал студента древних веков, который начал готовиться к экзамену в то время, когда до его сдачи остается немногим меньше

суток. Он работал яростно, вдохновенно, самозабвенно, потеряв счет часам и дням, делая лишь короткие перерывы для сна и приема пищи; зато электронные счетные машины — его верные помощники — работали без устали. Волны Времени беззвучно пронеслись над ним, а он, ничего не видя и не слыша, плыл в его потоке. Дни назывались на дни, складываясь в недели и месяцы. Его мозг изнемогал в дебрях тензорного и вариационного исчисления, как изнемогало недавно тело в чаще первобытного леса...

Чуть слышно шурша, перфолента уползла в окошечко входного устройства Электронного Мозга. Теперь уже от воли Руссова не зависела работа сложнейших электронных систем «Паллады». На его долю оставались функции наблюдения, контроля и аварийного вмешательства. Он еще раз мысленно проанализировал исходные предпосылки своих расчетов. Как будто все правильно. Но где-то в глубине подсознания таилось какое-то неясное чувство сомнения и неуверенности. Все ли он учел при составлении программы? А вдруг в каком-то пункте расчетов он допустил незаметную для себя ошибку, просчет, неточность?.. Усилив воли он отбросил эту мысль, объясняя ее переутомлением, и решил хорошенько отдохнуть и выспаться перед ответственным этапом взлета с планеты и вывода «Паллады» на прямолинейный участок маршрута.

И вот настал час отлета. С бьющимся сердцем Руссов включил астротелевизор, прощальным взглядом окинул желто-оранжевые леса, пышные равнины, заросшие высокой, в рост человека, травой, изумрудно-фиолетовое небо. «Вперед!», сказал он, подбадривая себя, так как его угнетали тишина и безмолвие, царившие в корабле, в котором он был единственным членом экипажа, и решительно нажал кнопку Предстартовых Операций. Тонко запели роботы, управляющие шасси. Он не видел, как сложная система умных механизмов плавно втянула в корпус звездолета гигантские посадочные клешни, но услы-

шал глухой рев двигателей вертикальной подвески корабля, медленно поднимающих астролет носом в зенит. В тот момент, когда «Паллада» встала во весь свой тысячеметровый рост, автоматически включилось ожерелье ядерно-водородных стартовых двигателей. Корпус звездолета отозвался на это крупной вибрацией. Точно штанги титанического домкрата, огненные столбы раскаленных газов сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее поднимали ракету над сожженной почвой. Толстые стебли трав, шипя и лопааясь, свертывались в жгуты, протягивая к небу опаленные скрюченные отростки, как будто грозя уходящему в Космос пришельцу.

Руссов включил вихревую защиту жилых помещений корабля. Он мысленно представил себе, как в сверхпроводящем кольцевом пространстве, охватывающем салон, анабиозные ванны и Централь Управления, заструились сверхмощные вихревые токи, создавая поле антигравитации, нейтрализующее любые перегрузки. На бесчисленных шкалах прыгали огоньки, мерно отстукивал секунды автомат-метроном. Через шесть минут корабль вышел на стационарную орбиту и, подчиняясь командам роботов, проделал ряд эволюций.

...В то «утро» он проснулся совершенно разбитый, с какой-то необъяснимой тяжестью на сердце. Все у него валилось из рук. «Наверное, от бессонницы», подумал он. Пытался заняться чтением — и не смог; попробовал есть — пища показалась ему пресной и безвкусной. Некоторое время он машинально слушал, как Счетчик Расстояний каждые две минуты звонко отсчитывает микропарсеки, остающиеся за кормой «Паллады»; бесцельно потрогал рукоятки аварийного управления, посмотрел на главный экран, где переливались фиолетовые точки звезд. «Паллада» беззвучно неслась в пространство со скоростью в «шесть девяток после нуля». «Пройдена почти половина пути», подумал Руссов, решительно не зная, чем заняться. «Хорошо бы лечь в анабиоз и сразу провалиться в блаженное небы-

тие...». Это была чрезвычайно заманчивая мысль, но он старался ее отогнать, потому что не доверял приборам и роботам — почему, и сам не мог объяснить, — вероятно, оттого, что это была точная и сложная техника восьмого тысячелетия. Он долго колебался, борясь с соблазном, и, наконец, страшась одиночества, решился. Однако не успел он еще закрыть за собой дверь анабиозной каюты, как остановился, точно вкопанный. В убаюкивающую песнь гравиметра вдруг вошла какая-то новая, чуждая слуху мелодия. «Неисправность!», молнией пронеслось у него в голове, но гравиметр опять запел густо и ровно, и он успокоился. В следующее мгновение «голос» прибора резко изменил свою тональность, звук стал нарастать и повышаться. Он бросился к пульту и положил руки на рукоятки аварийных рычагов, не сводя глаз с указателя. Стрелка гравиметра медленно, но неумолимо ползла к красной черте, отмечавшей предельно допустимый при данной скорости звездолета потенциал тяготения. Вместе с движением стрелки все тревожнее кричал звуковой анализатор: «Опасность!». Руссов вздрогнул от резкого воя сирены, который прозвучал в тот момент, когда стрелка достигла красной черты. Его ослепила красная вспышка индикатора на груди сторожевого робота — сигнал отключения главного двигателя. Руссов на миг растерялся. «Впереди — тяготеющая масса!...», ужаснулся он. Вслед за тем загрохотали тормозные двигатели. В следующую секунду их прерывистый грохот перешел в сплошной громоподобный гул. Подвижная шкала акцелерографа стремительно побежала влево, показывая чудовищное замедление: «сто жи... восемьсот... десять тысяч». Замедление было так велико, что на мгновение перегрузка превысила потенциал антитяготения. Его швырнуло в кресло пилота, вдавливая в губчатую обивку. Раздался пронзительный звон — это автоматически включилась система, усиливающая поле антитяготения, — и перегрузка исчезла. Гравиметр уже не пел, а

пронзительно выл жутким, хватающим за душу «голосом», несмотря на то, что скорость корабля стремительно уменьшалась. «Тяготеющая масса или край слабого поля гравитации», лихорадочно гадал он, жмурясь от тревожного мигания аварийных огней. «Тормозить или наращивать скорость?.. Судя по карте Вычислительного Центра, на этом пути не должно быть тяготеющих масс... неужели навигационная ошибка?.. Он был достаточно опытен, чтобы сразу понять, что впереди — невероятно сильное поле тяготения, и почти инстинктивно выключил тормозные двигатели. В наступившей тишине его руки лихорадочно шарили в сейфе Варена, перебирая записи, ленты и таблицы, в то время как глаза впивались в черный провал экрана астротелевизора. Если бы это была звезда, то он давно бы увидел ее?.. Может быть, инфракрасная звезда?.. Ее присутствие здесь, на изученном участке Вселенной, совершенно невероятно. Что же может быть?.. Он терялся в догадках.

Потенциал тяготения на шкале гравиметра уже превышал все известные ему величины: силу притяжения Солнца. Альфы Эридана, рядовых инфракрасных звезд, пылевых сгущений. Руссов продолжал перебирать записи Варена, хотя внимательно изучил их при составлении программы; подсознательное чувство заставляло его что-то искать. Внезапно — это было словно наитие — он вспомнил слова, которые Варен еще в пути к Альфе Эридана сказал в ответ на замечание или вопрос второго штурмана Марио: «Да, да... на одиннадцатом парсеке обратного маршрута... если сделать поворот на 32 градуса по направлению к южному галактическому полюсу... через три парсека встретится потухший белый карлик Цвикки...» Капли холодного пота выступили у него на лбу. «Что это еще за белый карлик Цвикки?..» Он никогда не слышал о такой звезде. На курсовой диаграмме ее не было. Тогда он включил памятную электронную машину и стал просматривать астрономические каталоги, но и здесь не нашел упоми-

нания о загадочной звезде. Страх и неизвестность заставили его снова включить тормозные двигатели. Под их громовый гул он опять начал утомительные поиски, чувствуя, что если не найдет разгадки странного поведения «Паллады», — гибель неизбежна, потому что он не знал, что предпринять. Удар гонга пронизал его, точно электрический ток. Он нервно обернулся к пульту: это еще раз автоматически включился робот, повышающий напряжение антитяготения. На экране памятной машины плыли уже последние записи научных сообщений и заметок, сделанных Вареном перед самым стартом «Паллады», как об этом говорили значки на полях. Вот он наткнулся на информацию Высшего Совета по освоению Космоса. Сухие строчки записи сразу разрубили весь узел загадок и неясностей. «Звезда Цвикки», писал, Варен, «это закончивший свой жизненный путь сверхкарлик, невидимый в пространстве... сила тяготения немногим меньше, чем у звезд, останавливающих лучеиспускание. Сообщение о потухшем сверхкарлике получено из Совета за два часа до отлета... однако нас эта звезда не интересует, так как лежит в стороне в четырех парсеках по направлению к южному полюсу Галактики... Ее координаты».

Сверившись по звездной карте курсографа и отметив кружочком местоположение страшного потухшего светила, Руссов бессильно упал в кресло. Глаза его расширились от ужаса, страха, отчаяния... Он понял, что неточно проложил маршрут, нацелив корабль не на Солнце, а чуть в сторону. Он мучительно вспомнил, где, на каком этапе программирования мог допустить ошибку, но вскоре отказался от этой затеи, сознавая, что для обнаружения ошибки необходимо заново проверять все расчеты и вычисления, отнявшие у него больше года. Теперь собственное положение открылось ему во всей своей пугающей простоте: не к Солнцу мчится «Паллада», а прямо в инертный океан гравитации, выплыть из которого никому еще не удавалось прежде!..

Однако его отчаяние длилось не больше минуты, ибо надо было действовать. И он знал теперь, что делать. Борьба до последнего эрга энергии, до последнего грамма топлива в корабле! И странное дело: когда это ему стало ясно, он почувствовал облегчение. Не было ни страха, ни растерянности. Только холодное мужество борца, идущего на гибель. Твердой рукой он взялся за аварийные рычаги. Скорость «Паллады», между тем, упала настолько, что можно было сделать поворот на несколько румбов, не рискуя разрушить корабль. Он посмотрел на шкалы указателей расхода энергии и включил радиоквантовые генераторы на восемь десятых полного режима генерации. Одновременно с этим тангенциальные двигатели, работая на пределе, повернули корабль на тридцать градусов к востоку. Содрогаюсь и вибрируя, «Паллада» начала титаническую борьбу с косной силой тяготения...

Двести сорок два часа, ни на секунду не утихая, двигатели извергали в пространство биллионы киловатт энергии, но скорость корабля продолжала бесконечно медленно падать. Это могло означать лишь одно: сверхкарлик Цвикки прочно держал жертву в своих объятьях; словно миллиарды чудовищных по силе рук медленно, но верно увлекали корабль в пучины безмолвия и мрака — туда, где материя, побежденная энтропией, обрекла себя на бездействие в течение длинного ряда галактических веков. Гравиметр давно умолк, потому что его шкала иссякла в тщетной попытке зарегистрировать силу тяготения, в десятки раз превосходящую все, что предусматривали конструкции. Руссов не отходил от пульта; он оглох от воя приборов, ослеп от непрерывного мигания лампочек и индикаторов; он яростно метался у пульта, то и дело отключая работы и автоматы, по сигналам неведомых приборов приводящие в действие те или иные системы корабля. Сейчас требовалось только одно: ни на секунду не ослаблять энергетический вихрь, удерживающий «Палладу» на краю гравитацион-

ной бездны. Лишенный отдыха, Руссов почернел и осунулся, ему некогда было как следует поесть; он торопливо проглатывал то, что удавалось найти в ящичке пилота; он боялся заснуть более чем на два-три часа. К исходу двенадцатых суток он настолько ослабел, что почти равнодушно воспринял сообщение расходомера топлива о том, что в корабле осталось всего сорок процентов первоначального запаса энергии. «Когда стрелка покажет ноль процентов, я, наконец, отдохну...», вяло подумал Руссов. Его охватило тупое безразличие отчаяния, он страшно устал и почти с радостью прислушивался к коварному голосу энтропии, звавшему его в мрачные океаны вечного небытия. Он закрыл глаза и бессильно сидел в кресле пилота, опустив руки. В таком положении он оставался долгие минуты, пока корабль изнемогал в борьбе с притяжением сверхкарлика. Но вот где-то в глубине памяти возникли видения: «спящие» в анабиозе товарищи, ждущие от него помощи; яркие картины родной Земли, деятельной и счастливой жизни людей, тружеников и его братьев, продолжающих бесконечно совершенствовать царство свободы, скачок в которое начали совершать еще в дни его далекой юности, в дни, когда «Циолковский» уходил к Альфе Центавра. Он почти наяву увидел Светлану Сергееву, услышал ее бархатный голос... Любовался незабываемой панорамой города Вечности... Он снова склонялся над могилой Чандрагупты, утопающей в цветах, заботливо оберегаемых детьми нового мира, — там, в Городе Вечности... на Площади Погибших Астронавтов... Руссов с усилием поднял отяжелевшую голову. «Надо бороться до конца... до последнего эрга», прошептал он, включая главный двигатель на полную мощность и стараясь не смотреть на шкалы расходомеров топлива.

Счетчик Времени равнодушно отбил еще двадцать восемь часов собственного времени ракеты. Оставалось тридцать пять процентов энергии... двадцать шесть... «Паллада», содрогаюсь, раскачивалась в черном молчащем

пространстве. На экранах обзора бесстрастно полыхали какие-то причудливые сияния. Он понял, что это означает: пространство, смятое чудовищным тяготением сверхкарлика, почти замыкалось само в себе, неузнаваемо искажая ход лучей света от далеких светил, с холодным равнодушием взиравших на песчинку, барахтавшуюся в могучих объятиях Космоса. Одиннадцать процентов от исходного запаса топлива!.. Внезапно он заметил, что стрелка указателя скорости корабля стоит на одном месте! Это могло означать только одно: реактивная тяга «Паллады», в течение четырнадцати суток израсходовавшей три четверти своих гигантских энергетических запасов, уравнивесила, наконец, невообразимое тяготение звезды Цвикки, которая так и не показала свой страшный лик на экранах обзора. Корабль мучительно вибрировал в гибельном равновесии. Его двигатели не могли ни на грамм увеличить силу своей тяги — они давно уже работали на опасном пределе, а сверхкарлик уже не мог ничего прибавить к силе порожденного им колосса гравитации. Руссов в отчаянии посмотрел на белый диск регулятора мощности радиоквантовой генерации, который был выведен до отказа. Сознание неотвратимости скорой гибели астролета заставило его исторгнуть крик ярости и бессилия. Он уже ни на что не надеялся, даже на чудо. И вдруг пришла робкая мысль: «Стартовые двигатели!.. Два миллиона тонн дополнительной тяги!». Руссов рванул диски включения стартовых двигателей, ясно сознавая, что, расходуя стартовое — а, следовательно, и посадочное — топливо, лишается возможности посадить впоследствии корабль на Землю или другую планету солнечной системы...

Короткий гром стартовых двигателей прозвучал, как песня побеждающего разума. Стрелка указателя скорости сразу ожила, затрепетала и лениво поползла вправо. Три часа гремела эта песня и умолкла... ибо кончилось ядерно-водородное топливо. Но по лицу Руссова текли слезы радости: он знал, что победа осталась за

ним, — сверхкарлик разжал, наконец, свои объятия. Пронзительный вой проснувшегося гравиметра показался ему небесной музыкой. По мере того как «Паллада» все дальше уходила от сверхкарлика, этот вой постепенно сменялся басистым урчанием; потом звук стал повышаться, — и вот уже снова полилась убаюкивающая песня-сказка свободного пространства!..

Руссов выключил главные двигатели, переводя корабль на инерциальный полет. У него еще хватило сил подняться и дойти до дверей анабиозной каюты. Он хотел сказать «спящим» товарищам, что они спасены во второй раз, но упал на пороге, погрузившись в непробудный сон смертельно уставшего человека... Однако проснувшись много часов спустя, он все-таки вошел. Подобные гигантским вытянутым грушам, голубые корпуса ванн встретили его мягким сиянием прозрачных стен, торжественной тишиной сладкого забытья. Он долго всматривался в лица друзей и беззвучно плакал; в этих слезах было все: и радость спасения, и ожившая надежда еще увидеть товарищей живыми.

Точные координаты: звезды Цвикки, которые он узнал столь дорогой ценой, помогли ему теперь с абсолютной точностью нацелить «Палладу» на солнечную систему. Это было теперь так просто: перо автомата вычерстило на курсовой карте уже две стороны треугольника, в вершинах которого лежали Солнце, Альфа Эридана и звезда Цвикки. Ему осталось лишь соединить прямой линией точку на карте, обозначавшую местоположение сверхкарлика, с условным знаком Земли, — он замкнул, таким образом, геодезическую мировую линию движения «Паллады» в пространстве. Уточнение и исправление программы заняло не более пяти дней.

...Израсходовав ровно половину оставшегося одиннадцатипроцентного запаса внутринуклонной энергии, Руссов разогнал «Палладу» до скорости равной — увы! — лишь восьми тысячам километров в секунду: больше тратить топливо было нельзя, ибо нечем будет погасить достигнутую ско-

рость при подходе к солнечной системе. Огромное неравное и физическое напряжение последних недель не прошло для него даром: он был близок к полной прострации и желал только одного — покоя. Покоя и отдыха, небытия и забвения! Поэтому Руссов почти равнодушно воспринял эти две цифры — «девять» и «восемь тысяч». Девять парсеков, которые нужно было пройти до Солнца, и 8 тысяч километров в секунду — скорость, с которой вынуждена теперь ползти «Паллада», не имея топлива для дальнейшего разгона... Не страшило его и то, что в результате столь малой скорости между кораблем и Солнцем пролегло теперь ШЕСТЬСОТ ЛЕТ пути! «Анабиоз... отдых... забвение», шептал он как в бреду, настраивая реле времени одной из пустующих анабиозных ванн. Но все же прежде чем погрузиться в анабиоз, он гигантским усилием воли заставил себя тщательно проверить показания всех приборов управления, прослушать стройную симфонию, которую они разыгрывали в честь победы над Космосом, и заложить в управляющее устройство сверхмощного радиопередатчика короткую программу, которая спустя шестьсот лет оживет в его сигналах: радиопередатчик будет монотонно слать в эфир позывные «Паллады» и слова, исполненные великой простоты: «Я — «Паллада»... Шестьсот лет иду на инерции... Могу затормозиться только до планетарной скорости... Для посадки нет топлива... на борту — мертвый экипаж».

...Лежа в ванне и включив подачу анабиозных стимуляторов, Руссов блаженно улыбался, погружаясь в долгожданное забвение...

«Паллада» достигла Солнечной системы через 594 года после того, как Руссов лег в анабиоз. Он не слышал и не мог слышать, как роботоры, как мощно запели магнитные поля, направляя поток радиоквантов, как затем умолкли двигатели, израсходовав последний киловатт энергии, но, погасив скорость корабля до пятидесяти километров в секунду, «Паллада»

вторглась в окрестности Плутона, посылая в пространства крик отчаяния: «Я — «Паллада»... Спасите нас люди Земли!..». Руссов ошибся при настройке реле времени, которое должно было «разбудить» его при подлете к солнечной системе, ровно на пять лет. Поэтому он не мог также видеть картину собственного спасения. Радиоголос «Паллады» был услышан и расшифрован станцией межзвездных кораблей на Титане... Два гигантских спасательных звездолета настигли мертвую «Палладу» в тот момент, когда она, пройдя по инерции всю солнечную систему, готовилась опять — теперь уже навсегда — кануть в Космос, и, уравнив свои скорости с ее скоростью, заключили в могучие объятия соединительных ферм, а затем, точно ребенка в колыбели, бережно понесли на Титан.

...Когда Руссов очнулся, он долго не мог понять, где находится. Он лежал в комнате с прозрачными стенами, сквозь которые четко рисовался огромный диск Сатурна, висевший в густой синеве неба Титана, точно волшебное произведение искусства. Участливые лица склонившихся над ним людей вызвали на его лице слабую улыбку и слезы радости. Внезапно он приподнялся и с надеждой в голосе спросил:

— Они... уже живы?..

Врач в белоснежной одежде утвердительно наклонил голову:

— Они будут жить... Ты скоро увидишь своих товарищей. Не волнуйся, отдыхай... ты очень слаб.

Тогда Руссов облегченно вздохнул. На его бледном, изнуренном лице снова заиграла улыбка. И вдруг она опять погасла, закрытая облачком тревоги:

— А Город Вечности?.. он... еще существует?

Тогда в свою очередь улыбнулся врач:

— Город Вечности? — повторил он вопрос релятивиста. — О!.. Город Великих Сынов человечества будет жить вечно?..